

УДК 94(74/79)

*Латушко Ю.В.
Latushko Yu.V.*

Эволюция сложного общества на Гавайях (в доевропейский период)

Evolution of Hawaiian Complex Society (before the arrival of Europeans)

В статье рассматривается развитие сложной социальной организации гавайского общества в доисторический период. Анализируется среда обитания, специфика заселения архипелага, социальная структура и положение вождей в ней, а также хронология гавайских вождейств.

Ключевые слова: *политическая антропология, Гавайи, сложное общество, социальная структура*

The article deals with the development of a complex social organization of Hawaiian society in the prehistoric period. Natural and social environment, early settlement specific, the social structure and the position of leaders are analyzed. As well as the chronology of Hawaiian chiefdoms.

Key words: *political anthropology, Hawaii, complex society, social structure*

Среда обитания

Группа Гавайских островов расположена на севере центральной Пасифики. Обитаемая часть островов лежит чуть южнее тропика Рака. Это острова Ниихау, Кауаи, Оаху, Молокаи, Ланаи, Мауи, Кахулаве и Гавайи (19°с.ш., 155°з.д.) [40].

Гавайских островов около семнадцати тысяч квадратных километров. Самым крупным островом является о. Гавайи (свыше десяти тысяч кв. км). Все крупные острова имеют вулканическое происхождение и являются вершинами вулканического хребта. Высшая точка архипелага – потухший вулкан Мауна-Кеа на о. Гавайи (4205 м), там же находится и самый крупный действующий вулкан Мауна-Лоа (4170 м), активность сохраняют также вулканы Килауэа, Хуалалаи и Халеакала. Сейсмическая активность была и остаётся причиной частых цунами, которые, наряду с извержениями вулканов, представляют один из серьёзнейших природных катаклизмов на Гавайях.

Климат островов мягкий. Разница между зимними и летними температурами не превышает 4-8° по шкале Цельсия. Так, среднегодовая температура на побережье о. Оаху +23 °, однако в горах температуры низкие – на высоте более 1800 м нередко идёт снег. Количество атмосферных осадков на островах неодинаково и зависит от рельефа местности и господствующих ветров. Наибольшее их количество выпадает на

Латушко Юрий Викторович, к.и.н., старший научный сотрудник центра политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). E-mail: latushko@mail.ru

обращённых к этим ветрам северных и северо-восточных склонах гор. Прибрежная линия в этих районах получает ежегодно 3000 – 6000 мм осадков, причём данное значение увеличивается в зависимости от вертикальной поясности. Вместе с тем, южные и западные подветренные склоны являются аридными зонами, где в год выпадает менее 300 миллиметров осадков. Такие контрасты накладывали отпечаток на хозяйственную деятельность человека. Стремительные горные реки прорезают наветренные склоны гор, образуя естественные плодородные долины. Именно в этих районах в период доистории сосредотачивалась основная масса населения архипелага, и именно они, являлись предметом ожесточённых конфликтов. Почвы крупных островов архипелага сформировались на вулканических породах [4, с. 443]. Хорошо развитый почвенный покров имеется только на одной десятой территории архипелага. Здесь широко распространены латериты, которые, несмотря на малое содержание гумуса в них (4-6%), всё-таки пригодны для возделывания батата и ямса. Более плодородны красные и особенно аллювиальные почвы, но таких на Гавайях меньшинство.

Удалённость архипелага как от Азии, так и от Америки обусловила сравнительно однообразную в видовом отношении флору и фауну. Единственное сухопутное млекопитающее (не считая завезённых человеком) – летучая мышь. Вместе с первыми поселенцами на Гавайи прибыли собаки, свиньи и крысы. Орнитофауна архипелага значительно богаче, но некоторые местные виды были рано истреблены человеком из-за своих перьев, шедших на изготовление перьевых накидок (*ахуула*) и головных уборов (*махиоле*) вождей.

В прибрежных водах обитают разные виды рыб, черепах, моллюсков и других морских животных. Однако Гавайи не имеют коралловых рифов, которые в остальных районах Полинезии выступали в качестве главных мест рыболовства. Отсутствие рифов значительно снижало продуктивность рыболовства, но первые поселенцы рано нашли выход из данной ситуации путём создания искусственных запруд на отмелях или в прибрежных зонах. По этноисторическим данным площадь таких заводей могла достигать 200 га [38]. Недалеко от берега огораживались также специальные участки для выпаривания соли. Со временем всё большую роль в жизни островитян стало играть земледелие мотыжного типа. Постепенно люди освоили не только прибрежные наветренные долины, но и горные районы, и засушливые подветренные зоны. На западных островах архипелага интенсивно развивалось ирригационное хозяйство.

Проиллюстрировать вышесказанное можно примером хозяйственного освоения разных экологических зон о. Молокаи. Площадь этого острова составляет 676 км², он состоит из трёх экологических районов: 1) северо-восточной зоны глубоких, расположенных амфитеатром, наветренных долин; 2) юго-восточной зоны подветренных горных отрогов с небольшими долинами и широкими рифовыми низменностями; 3) западной аридной зона [29, р. 215]. Раньше всего человек освоил прибрежные районы – долины Халава, Ваилау, Пелекуну и Ваиколу (зоны 1 и 2). В зоне 1 активно развивалось ирригационное хозяйство, главной сельскохозяйственной культурой здесь было таро (*Colocasia esculenta*). Зона 2 с её сравнительно небольшими долинами была менее пригодна для данного вида земледелия, но зато здесь располагались 73 искусственные рыбные запруды. Позднее всего была освоена зона 3. Основная часть населения сосредотачивалась в зонах 1 и 2. Зона 3 была безлюдным районом, так как почти не пригодна для ведения сельского хозяйства, но там сосредотачивались большие запасы скальной породы. В каменоломнях этой зоны добывалось сырьё, необходимое для изготовления каменных

тёсел и других орудий труда. Кроме того, эксплуатировались рыбные ресурсы её прибрежных районов.

Поиски прародины гавайцев стоят в тесной связи с проблемой колонизации всей восточной Полинезии. Ещё в 1823 г. преподобный Уильям Эллис в беседах с местными жителями пытался выяснить вопрос их происхождения: «Относительно происхождения своего народа среди местных жителей распространённым мнением является то, что первые жители были созданы на островах и являлись потомками богов, которые некогда здесь обитали; или же, что они пришли из страны, называемой ими Таити (по-гавайски *Kahiki* – Ю.Л.). Среди народа более распространённым и популярным является мнение, что их предки прибыли на каноз с Таити» [17, р. 323-324].

Сходное сообщение находим и у Дэвида Мало, который помимо прочего указывал на название одного из округов о. Мауи – *Кауки-нуи* [32, с. 6].

Последовательными сторонниками концепции колонизации Гавайев с Таити или других островов группы Общества были П. Бак [1], Э. Барроуз [10], К. Эмори [18] и др. В доказательство приводились данные лингвистики, фольклористики и физической антропологии [37]. В ходе лингвистических реконструкций использовался метод глоттохронологии. Выяснилось, что базовый гавайский словарь имеет 76% общих слов с таитянским (или на 24% различен), 71% – с новозеландским, 70% – со словарём Маркизских островов, 64% – с о. Пасхи. С более отдалёнными языками западной Полинезии, а именно Самоа и Тонга, гавайский язык имеет соответственно 59% и 49% общих базовых слов [16]. Дивергенцию словарей рассчитывали с опорой на археологические данные. В середине 1950-х гг. одним из самых древних датированных (по изотопу углерода) памятников на Гавайских островах считался дюнный памятник в Сауф Пойнт (Н 1, о. Гавайи) – 950 г. ± 200 лет [27].

Генеалогии гавайских вождей также указывали на Таити, как на возможную прародину гавайцев. Согласно им вождь по имени Моихеке был отвергнут женой, и переселился с Таити на Гавайи примерно в конце I – начале II тысячелетия нашей эры [5, с. 320]. В генеалогических преданиях гавайских вождей сохранилось имя жреца с Таити – *Паао*. Около 1275 г. он предпринял вояж на Гавайи, где застал картину «падения нравов» – местные вожди не чурались вступать в браки с женщинами из низших слоёв общества, что, по мнению Паао, сильно подрывало их репутацию. Традиция приписывает Паао введение таких краеугольных составляющих гавайской идеологической системы как: 1) человеческие жертвоприношения, 2) коронация вождей поясом из красных птичьих перьев (такой же обычай бытовал и на о. Раиатеа) и 3) новый тип святыщ *хеиау*.

В 1960-х гг. теория колонизации Гавайев с островов Общества подверглась критике. Её пересмотр был связан с утверждением новой концепции заселения Полинезии, предложенной Кеннетом Эмори и Йошико Синото [19], основанной на новых данных полинезийской археологии. На долгие годы этот сценарий стал господствующим, так что П. Кёрч назвал его «ортодоксальным» [28]. В его рамках утверждалось, что Гавайские острова заселялись в ходе не одной, а двух больших миграционных волн, причём таитянской волне (около 1200 г.) предшествовала волна маркизская (около 750 г.). В 1966 г. данные археологии были подкреплены лингвистической моделью Р. Грина [22]. Данный исследователь объяснял большой процент совпадений гавайского и таитянского языков поздними влияниями последнего. Теория Р. Грина стала естественным продолжением археологических находок, датировки которых на тот момент оказались самыми древними именно для Маркизских островов.

Первым острою критику подобного суждения высказал Биггс (1972) [цит. по 28, р. 19]. Он призвал не искать простых решений для сложной проблемы колонизации Полинезии. Любой упрощённый взгляд на заселение региона с последовательностью от А к В, от В к С, при которой движение осуществляется только в одном направлении, будет неверным. Вскоре появились и археологические доказательства. Ими стали материалы памятника Беллоуз (018), расположенного на о. Оаху и датированного примерно IV веком н.э. [27] Таким образом, лингвистические данные, взятые сами по себе, не могут с абсолютной точностью локализовать ранние языковые общности во времени и пространстве.

Кроме того в восточной Полинезии многие территории остаются археологической *terra incognita*. Сегодня лучшие в экологическом плане зоны Гавайских островов представляют собой полностью антропогенные ландшафты, занятые современным строительством. Археологи работают в маргинальных зонах, которые, скорее всего, не очень подходили и древнему населению. В других случаях, например, с островами Общества или южными Маркизами, многие территории обитания человека древности мало изучены, часть из них находится под водой и т.п. Существуют и технические проблемы, связанные с датировкой дюнных гавайских памятников по изотопам углерода (плохая сохранность и небольшое количество датируемого материала, диффузия слоёв, связанная с дюнной природой памятников, разброс и неточность датировок, порождённые несовершенством самого метода радиоуглеродного анализа и т.п.). По мнению П. Кёрча, выходом из подобной ситуации могло бы стать более широкое применение гидратационного метода датирования базальта, разработанного М. Моргенштайн (Гавайский институт геофизики) [27, р. 111-112].

Мы можем предполагать, что гавайские первопоселенцы обладали уже сравнительно развитой техникой мореплавания, что называется по факту прибытия. По мнению К. Эмори, организация строительства большого океанского каноэ и перехода за сотни морских миль были под силу лишь вождям. Только вожди могли распоряжаться ресурсами, необходимыми для строительства, снаряжения и навигации океанских судов, вмещавших на борт большое количество людей с их одомашненными растениями и животными, и доставить их на удалённые в географическом отношении Гавайи [18, с. 30].

Формированию стратифицированного общества на Гавайях могла способствовать специфика их освоения, которая во многом определялась местными экологическими условиями. Ещё М. Салинз отмечал, что так называемые «высокие» (вулканические) острова Полинезии отличались от «низких» (атоллов) более сложной социальной организацией. Установление двухуровневой иерархии на Гавайях произошло сравнительно рано.

Социальная структура

На низовом уровне социальной организации базовой единицей была община – *охана* (семья, родня, родственная группа) [33, р. 254]. Исторически гавайская «семья» была группой совместно живущих родственников, которые осознают своё родство по крови, браку или усыновлению и привязаны происхождением, рождением и чувствами к определённой местности (гавайское *аина*) [23, р. 174-175]. Этимологически слово *охана* восходит к глаголу отпочковываться, происходить от общего корня [23, р. 40].

Охана можно рассматривать как в широком, так и в узком смысле. В широком смысле это все те, кто осознаёт своё общее происхождение, причастность к определённой «малой родине». Все они «отпочкова-

лись» от одного ствола, все они родственники в самом широком смысле, и, вполне вероятно, когда-то имели общую предковую группу (не легендарную, а вполне реальную), являясь потомками семейств первых колонистов. По сути, и весь гавайский народ – одна семья. В узком же смысле *охана* – это семейная община жителей одного района (*ахупуаа*) большого округа (*моку*), или даже части района (или), чьё родство было опосредовано землёй и каждодневной совместной хозяйственной деятельностью. Они могли быть кровными родственниками, родственниками по адопции (крайне распространённой в Полинезии) или браку. В силу того, что гавайцам была свойственна дисперсная система расселения, члены одной *охана* могли проживать и не вместе. Её целостное функционирование обеспечивалось механизмом взаимопомощи.

Структурно большесемейная община подразделялась на отдельные *хале* – домохозяйства. В идеале отдельное *хале* занимало территорию одного или. В состав *хале* входили как родственники, так и зависимые люди *охуа*. Это сближает *хале* с большой патриархальной семьёй [7, с. 111]. В рамках *охана* существовала иерархия *хале*, построенная на принципе генеалогического старшинства. Глава старшего домохозяйства *хаку* председательствовал на советах *охана*, принимал гостей, руководил общественными работами, отправлял домашние культы и т.д.

В социально-экономическом плане община выступала в роли отдельной производственной единицы. «В ходе мероприятий, требовавших общественного труда, внутренние и прибрежные *охана* объединялись... Сбор налогов вождём в период взимания дани (сезон *макахики* – Ю.Л.) или для организации военной кампании или в честь своего первенца касался не отдельного индивида или домохозяйства, но всей *охана*» [23, р. 6]. Различные *охана* на протяжении времени создавали ткань гавайского общества. Их члены составляли население отдельных районов, ограниченных естественными преградами в виде гор и моря.

Ахупуаа выступал в роли первичной автономной административно-территориальной единицы, в рамках которой несколько семейных общин объединялись в общину территориальную.

Согласно распространённой среди исследователей (но не общепризнанной) точки зрения с последней четверти XIII в. миграции на Гавайи прекратились, и острова в течение последующих пятисот лет развивались как закрытая культурная система. Её стержнем стала традиционная система религиозных верований и представлений. В дошедшей до нас «песни творения» *Кумулипо* [39] рассказывается о развитии мира от тьмы к свету, от низших форм к высшим. Структура общества понималась как единое тело. Верховный вождь был головой, все прочие вожди – плечами и грудной клеткой. *Кахуна нуи* – верховный жрец – был правой рукой, а *калаимоку* – советник верховного вождя – левой. Воины считались правой ногой, а рыбаки и крестьяне – левой.

Общество делилось на две основные страты – вождей (*алии*) и общинников (*макаинана*). Особое положение занимала категория «неприкасаемых» (*каува*), которая, согласно представлениям гавайцев, не входила в структуру общества. И среди вождей и среди общинников счёт родства был билатеральным. Статус человека определялся в первую очередь генеалогическим старшинством, а не половозрастным. Другими словами, ребёнок из линии вождей более высокого ранга был «старше» старца из генеалогически менее знатной линии.

Все полинезийские общества отличались особым ранговым порядком их организации. В максимально стратифицированных из них главной задачей такого ранжирования было уже не выявление общественного статуса человека, а выявление иерархии между клановыми образованиями. Сегментное ранжирование для элиты являлось системо-

образующей характеристикой, тогда как для общинников – той, которой можно было пренебречь. Подтверждением этого факта служат длинные генеалогии вождей, в то время как генеалогии общинников насчитывали лишь два-три поколения.

По мере обособления вождей от общинников особое значение стали приобретать эндогамные браки [31, р. 409]. Ребёнок, рождённый от брака брата и сестры самых высоких рангов, получал ранг *ни'о*. Он мог отправлять самую высокую должность верховного вождя целого острова или большого округа. С этим рангом было связано *капу моэ*, «повергающее ниц табу». В присутствии этого человека-бога или его вещей все должны были падать на колени. Табу соблюдалось под страхом смертной казни.

Чуть ниже стоял вождь ранга *ниаупи'о*, рождённый от брака отца и дочери, племянника и тёти или племянницы и дяди того же или следующего по важности ранга.

Посты вождей районов занимали, как правило, алии рангов *наха* или *вохи*. Кроме того, они же отправляли почётные «придворные» должности, являлись управляющими (*конохики*) верховного вождя, на чьи плечи ложились основные обязанности по организации общественных работ (в частности, строительства и поддержания ирригационных сетей и храмов) или хранителями генеалогий, мифов и другого сакрального знания.

Вождь ранга *наха* был отпрыском сводных брата и сестры, но от одного из родителей первых двух рангов. Ранг *вохи* получал ребёнок от брака знатной женщины, обладавшей одним из первых трёх рангов, со своей кузеном. С *вохи* и *наха* было связано *капу-о-нохо*, «сидячее табу»¹. В идеале пост вождя зависел от его ранга. На практике в ходе междоусобной борьбы к власти могли приходиться узурпаторы. Кстати, самые известные и легендарные из гавайских вождей – Уми и Камеамеа – обладали не самыми высокими рангами. Камеамеа, например, имел ранг *вохи*, что не давало ему формального права на занятие «поста» верховного вождя. Здесь ещё один аргумент в пользу того, что лидер-харизматик мог «не прогибаться» под «незыблемый» паттерн традиционного господства.

Ещё одной категорией гавайской знати было «официальное» жречество *кахуна пуле*, помимо которого на Гавайях было большое число колдунов низшего ранга (целители, прорицатели и прочие). К контактному периоду существовало две жреческих корпорации («ордена») – *Холоа'е* и *Каули'и* (Д. Мало приводит другие названия «орденов» – *Каналу* и *Палику*) [32, р. 80]. Орден Каналу был посвящён божеству войны Ку, а его жрецы считались потомками легендарного таитянского жреца Паао. Орден Палику был посвящён богу плодородия *Лоно*. Кроме наследственных жрецов к этому ордену принадлежали и другие *алии*.

Общая численность элиты со временем стала превосходить возможное число земельных наделов и должностей для вождей соответствующего ранга, поэтому многие алии, не унаследовавшие земли, получали религиозные должности, как это было в случае с объединителем архипелага Камеамеа I, который ещё юношей получил регалии хранителя бога Ку, но не унаследовал правления.

Традиционная религия отводила простым общинникам (*макаанинана*) роль младших родственников вождей. Термин «*така'аинапа*» можно перевести с гавайского приблизительно как *люди земли*. Общинники являлись основной производительной силой – земледельцами, рыбаками, ремесленниками. Между вождями и общинниками существовала

¹ Согласно гавайскому этикету, менее знатный человек в присутствии более знатного должен был сидеть. Для *алии* же двух последних рангов делалось своего рода исключение – они могли стоять в присутствии обладателей высших рангов.

цепь взаимных обязательств. Последние были обязаны поставлять продукты и отправлять службы в форме оброка и барщины. В обязанности *алии* входило обеспечивать сверхъестественное покровительство для *макааинана* против природных катаклизмов и ходатайствовать перед богами, чтобы те посылали обильные урожаи. Поземельная и личная зависимость общинников от элиты была условной и основывалась на традиции. В её рамках они имели право ухода на земли другого вождя, если их собственный лидер не обеспечивал им протекцию со стороны высших сил. На практике это означало, что цепь неурожаев могла стоять вождю его власти. Он оставался без своих сторонников.

По описаниям члена экспедиции М.Н. Васильева – Р.П. Бойля, согласно данным местных информаторов, в старину *макааинана* должны были работать на вождей один день в неделю, плюс к этому каждое домохозяйство дарило вождю ежегодно пять циновок, кусок тапы (материи из отбитого луба), свинью и собаку. Здесь же находим противоречие – по словам М.Н. Васильева, в древности «фиксированных поборов и повинностей не существовало» (РГАВМФ. Ф. 213. Оп. 1. Д. 104. Л. 35). По приходу к власти верховный вождь «наделял» нижестоящих вождей землями. На практике он лишь подтверждал веками существовавшие поземельные отношения.

Самым спорным и загадочным слоем гавайского общества были *каува*. Они не состояли в родстве ни с общинниками, ни с вождями и были как бы вне системы социальных классов («неприкасаемыми»). Вместе с тем, М. Пукуи [33, р. 29] называет их термином «аумакуа» (что переводится с гавайского как «семейное божество»). Символически они относились к категории полубогов. Во всяком случае, *каува* убивали путём утопления – или в пресном источнике или в океане – и приносили в жертву в ходе ритуала *луакини*, посвящённого богу *Ку*. Этот ритуал символизировал установление власти вождя. Таким образом, *каува* с точки зрения высшей власти были людьми, чьё назначение состояло в том, чтобы стать сакральной жертвой.

Идеология: концепция мана-табу

Сфера табу (*капу*) мыслилась сферой позитивных религиозных запретов, приводившей в сбалансированное положение миропорядок, вмещающий в себя безличную космическую силу – мана, средоточием которой в неординарной степени были как люди, так и предметы.

Табу – запрет, и по определению это понятие должно носить негативную окраску, но это не так. Проиллюстрировать это положение можно примером того, как гавайцы понимали «святость» и «нечистоту». Простолюдин, совершивший инцест со своей сестрой, становился для всех *капу*. Его присутствие считалось крайне негативным для всего общества, и так как он не мог быть «очищен», его лишали жизни. И наоборот, вождю высокого ранга предписывалось вступать в отношения со своими единоутробными сёстрами, в силу чего их ребёнок становился в высшей степени священным и неприкосновенным человеком. Нечистота простолюдина и священность подобного вождя имели один источник, и оба они являлись *капу* с различными санкциями – первого должно было убить, второго избегать, чтобы не быть убитым. Аналогичный порядок касался как людей, так и вещей. По мысли А. Рэдклиффа-Брауна [6] ритуальные значимости всегда связаны со значимостями социальными – в широком смысле они составляют сферу морального, эстетического или экономического поведения людей, при котором одни и те же ритуальные процедуры зачастую имеют различные смыслы.

Согласно легендам, табу как система всеобъемлющего социального контроля оформилась на рубеже XIII–XIV вв., что совпадает по време-

ни с началом формирования на Гавайях сложных вождеств. Вероятно, после завершения второй большой волны миграций она получает тот классический вид, который стал известен европейским первооткрывателям. Система табу делилась на две части. *Капу алии* было прерогативой рождения знати, оно обособляло вождей от остального общества, тогда как система *капу богов* фундировала любую общественную деятельность [9].

Система *капу* отражалась также в почитании четырёх главных (старших) мужских божеств – *Ку*, *Лоно*, *Кане* и *Каналоа*. Культ *Каналоа* (*Тангароа*) известен во всей Полинезии, тогда как первые три отправлялись только в Восточной Полинезии. Оппозиции богов были таковы: *Каналоа* (божество тьмы) – *Кане* (божество света, грома и молний), *Ку* (божество войны) – *Лоно* (божество мира, земледелия, плодородия). В полинезийской мифологии бог *Каналоа* (*Тагалоа*, *Таароа* и др.) – бог-творец, бог морской стихии, но на Гавайях он выступал в другой ипостаси, а именно, как хтоническое божество [5, с. 318]. Божество *Лоно* почиталось всеми слоями общества, но больше среди общинников, тогда как *Ку* был богом вождей. Следует сразу отметить, что, как и во многих других архаичных религиозных системах, ипостаси и функции гавайских божеств переплетались. Так, бог *Ку*, с одной стороны, был богом войны и разрушения, а с другой стороны почитался как великий архитектор и строитель.

Каждому божеству полагался свой набор жертвоприношений. Сви́нья была сакральным подношением и являлась пищей мужчин на пиру, а также символом *Лоно* в образе *Камапуа'а*. Кокос называли «телом» *Ку*. Рыба *улуа* (молодая щука) выступала в роли эквивалента человеческого жертвоприношения *Ку* при строительстве и освящении большого храма. *Нуухи* (белая акула) была, вероятно, проявлением бога *Кане* как *Канехунамоку*, и символом верховного вождя. Рыба *куму* (рыба-козёл) использовалась в качестве сакрального подношения в различных ритуалах [23, p. 177].

Табу в семье выражались в ранговых отличиях между родственниками и зависели от пола и возраста. Эти запреты известны как «кожаное табу» (*или капу*) [23, p. 48]. Например, женщинам запрещалось носить любую одежду, которую ранее надевал мужчина. Различия между поколениями выражались в табу, согласно которым родственники одного пола, но разных поколений не могли одеваться в одинаковые одежды. Матерям и дочерям запрещалось носить матерью одинаковой выделки. Только близкие родственники одного поколения могли носить сходную одежду, к ним относились братья, двоюродные братья или сёстры и двоюродные сёстры.

За нарушение любого из этих табу и другие преступления общинники наказывались у «камня *Кане*» (*похаку-о-Кане*), который принадлежал тому или иному семейству общинников. Термин «похаку» имеет кроме указанного значения (камень) ещё одно – «бог-хозяин». Перед этим камнем простой конической формы располагался алтарь, а вокруг него – насаждения дерева *ти* (*Cordyline terminalis*). Семья приходила к нему рано утром, приносила с собой подношения богам – свинью, рыбу *куму*, *каву* (напиток) и *тапу* (материю). После этого молящий о прощении человек публично каялся за свой проступок. Затем вышивалась *кава* и поедалась ритуальная пища. Остатки пищи тщательно погребались напротив камня, и семья уходила обратно другой дорогой [26, p. 32].

Однако в случае преступлений против вождей табу были строже, а наказание зачастую более суровым. Например, если открывалось, что общинник надевал *мало* (набедренную повязку) вождя, то его приносили в жертву богу-покровителю последнего. Если то же самое проделыв-

вал *алии* низшего ранга в отношении знатного *алии*, то существовала вероятность, что и он будет принесён в жертву [24, р. 23], но чаще всего нарушитель просто порицался. *Макааинана* могли искать спасения от наказания, бежав в *пу'ухонуа* («град спасения»), которые существовали во всех больших округах.

Социальная организация: специфика

Кратко остановимся на двух типологиях полинезийских обществ (М. Салинз [35] и И. Голдмана [21]). Несмотря на отличия, эти типологии в главном не противоречат друг другу.

За основу типологии М. Салинз взял уровень стратификации общества. Согласно отстаиваемой им концепции общей и специфической эволюции [36], М. Салинз считал вариативность полинезийских культур проявлением специфической эволюции, которая рассматривалась им как филогенетическая трансформация культурных форм в результате адаптации к естественной (суперорганической) среде [34, р. 291-301]. Он выделял следующие группы полинезийских обществ:

1. Максимально стратифицированные (Тонга, Гавайи и др.);
2. Минимально стратифицированные (Токелау, Пукапука);
3. Переходные общества (Мангаиа, о. Пасхи и др.).

И. Голдман исходил из гипотезы о существовании острой борьбы за статус и ранг среди вождей [20, 21]. Положение и объём управленческих функций вождей зависел от соотношения приобретённого личными заслугами или наследуемого статуса. Таким образом, функции по управлению могли быть поделены поровну на основе статусного родства между коллективом и отдельными лидерами, либо вовсе сосредотачиваться на уровне совета старейшин. И. Голдман также выделял три группы полинезийских обществ:

1. Традиционные общества (Новая Зеландия, Тонгарева и др.);

2. Открытые общества (Мангаиа, Пасхи, Ниуэ, Ротума и др.). По сравнению с традиционными обществами, удельный вес личных заслуг в приобретении власти здесь был выше. Наследственные вожди сохраняли свой сакральный статус, однако очень часто реальная власть и право перераспределения материальных ресурсов могло сосредотачиваться в руках удачливых военачальников из числа лидеров территориальных общин.

3. Стратифицированные общества (Тонга, Таити, Гавайи). Здесь ранговая система была наиболее детализированной и играла дифференцирующую роль, четко разделяя общество на правящие и подчиненные сегменты. К моменту первых контактов с европейцами здесь оформились сложные вожества с крайне жесткой иерархией.

Н.А. Бутинов предлагал условно выделять два основных типа «родоплеменной организации» у полинезийцев – «тонганский» и «ирокезский» [3]. В первом случае общественная иерархия основывалась на вертикальных связях, а родовые горизонтальные связи были ослаблены. Во втором случае социальная структура определялась характером в основном горизонтальных взаимодействий по линии отдельных родовых сегментов коллектива (советов домохозяйств, общинных старейшин). На таких советах выбирали вожда, решали хозяйственные вопросы, вопросы отправления культа, войны и мира и т.п. То, что Н.А. Бутинов называл «тонганским» и «ирокезским» типами племени фактически было двумя основными путями интеграции семейно-родственной организации в политические формы. М. Салинз подчеркивал два основных типа десцентных объединений на вулканических островах Полинезии, которые «равным образом интегрируются в политические институты различной формы» [34, р. 299] – рэмиджей и «усечённых десцентных линий». Рэ-

мидж¹ представляет собой внутренне ранжированную (по первородству) десцентную группу², причём важнейшей характеристикой рэмиджа является его экстерриториальность. Сегменты рэмиджа (отдельные домохозяйства) могут образовывать различные рекомбинации в зависимости от экологических или экономических факторов. Таким образом, один или несколько максимальных рэмиджей могут становиться готовой формой для образования самостоятельной политической единицы [11, с. 91]. Со временем линидж правителя экономически и идеологически обособлялся. Ранговая иерархия принимала подобие бюрократического аппарата, где верховный вождь оказывался на его вершине, а главы сегментов максимального рэмиджа становились правителями «на местах». Так из родственных объединений вырастали объединения политические.

Динамика потестарно-политического развития доконтактных Гавайев

Археологические данные сегодня позволяют смоделировать этапы роста и усложнения гавайского общества. Первые насельники появились здесь не позднее середины I тыс. н.э. Сначала люди селились на наиболее плодородных землях речных долин. Границами владений были естественные преграды в виде гор и моря. Численность первых колонистов едва ли превышала несколько сотен человек [15, р. 78]. Огромное значение для них имел рыбный промысел. Прибрежные общины, специализировавшиеся на рыбной ловле, строили «рыбные храмы» (коа). Кроме того, рыба служила одним из важных предметов обмена между внутренними и прибрежными районами. Земледелие развивалось на плодородных аллювиальных почвах долин. Основными культурами были традиционные для Полинезии ямс, батат и таро.

Вероятно, около 800 г. н.э. произошёл один из первых скачков численности населения, когда оно стало исчисляться не сотнями, а тысячами человек. В это время возникают первые простые вождества. По мере хозяйственного освоения прибрежных долин, кардинально изменялась среда обитания древних гавайцев. В результате человек стал осваивать и другие экологические зоны – сначала засушливые наветренные берега, а потом и внутренние лесные районы *маука*.

Следующий скачок численности населения пришёлся примерно на 1200–1400 гг. Возможно это было связано со второй большой волной колонистов. Стремительный рост численности населения в XIII–XIV вв. [13] проходил параллельно с изменениями в хозяйственной и социальной структуре. Вырубка лесов под сельскохозяйственные угодья усиливала эрозию почв, благодаря чему ценность прибрежных долин с их плодородными аллювиальными почвами стремительно возрастала.

Усложнение социальной организации происходило в условиях острой конкуренции семейных групп за ресурсы. Возросшая роль вождей, как организаторов хозяйственной жизни населения, приводила к увеличению их удельного веса в обществе. Т. Эрл [14] называл этот этап гавайской доистории «формативным периодом» в образовании сложных иерархических структур общества, в результате чего впоследствии возникло единое Гавайское королевство.

Совершенствование сельскохозяйственной техники (внедрение удобрений, прополка полей, строительство дамб) позволяло вождям сосредотачивать в своих руках большие излишки, которые укрепляли их

¹ В работах советских авторов рэмиджевые структуры часто называли «сегментированными семейными общинами». См., например, Тумаркин Д.Д. Гавайский народ и американские колонизаторы. М.: Наука, 1971. С. 10.

² Родственную группу, члены которой прослеживают свое родство по определенным линиям – отцовской, материнской, либо по обеим сразу.

власть и давали им средства для дальнейшего расширения её объёма. К концу формативного периода вождества повели между собой борьбу за расширение своих владений.

С рубежа XIV–XV вв. и до конца XV столетия шло формирование региональных политий, вышедших за пределы локальных территориальных образований («период консолидации»). В это время под власть верховных вождей попадают территории, объединявшие большое число прибрежных и внутренних долин. Численность населения таких образований начинает исчисляться десятками тысяч человек [25]. Борьба между вождями за новые территории становилась непримиримой, о чём свидетельствует факт появления на границах соседних политий – в районах беспрестанных вооружённых стычек и войн – буферных зон без поселений [12].

Важным археологическим индикатором усложнения социальной организации доконтактных Гавайев служит монументальная архитектура. Примерно с рубежа XIV–XV вв. на всех крупных островах архипелага начинают воздвигаться крупные храмовые комплексы – *хеиау луакини*.

В. Валери [41], проанализировав этноисторические данные, установил, что гавайцы использовали частично совпадающие между собой в функциональном и архитектурном планах системы классификации *хеиау*, следствием чего было существование всевозможных запутанных местных терминов. Он предложил условно разделять гавайские храмы на две категории: те, что связаны с войной, или *хеиау Каа* и те, что использовались для обрядов «производства роста» или плодородия – *хеиау хо'оулуулу*. Первые считались величественными храмами *луакини* и служили нуждам вождей. В них приносились человеческие жертвы. Храмы плодородия (*Хале-о-Лоно*) были посвящены богу *Лоно* – покровителю земледелия. К числу храмов, которые использовались как общинниками, так и вождями, относились также храмы рыболовства и храмы домохозяйств, располагавшиеся по соседству с мужскими домами (*хале муа*).

Хронология развития гавайской храмовой архитектуры остаётся археологически не очень хорошо изученной, устные же предания связывали возникновение *хеиау луакини* с деятельностью верховных вождей на протяжении последних пятисот лет доистории. Такие храмы как *Алеалеа* на о. Гавайи и *Канеани* на о. Оаху – имели сравнительно сложную конструкцию, что свидетельствует о частой перестройке храмов и их расширении в преконтактный и раннеконтактный периоды. Можно сказать, что дифференциация *хеиау* по функциям, типам, размерам проходила в период примерно с 1400 по 1800 гг., что совпадает по времени с завершением процесса формирования сложных вождеств и началом перехода к государственности.

Само появление храмов *луакини* отражало новую общественную роль вождей. Данные храмы должны были явить всему обществу силу и величие верховного вождя. Вместе с тем они выступали не только символами его побед, но и в роли наглядных символов величия общества в целом. Верховный вождь становился знаковой персоной, символом единства всей земли, находившейся под его непосредственной властью.

Для создания такого храма требовались значительные усилия. Так, объём каменной насыпи самого крупного храма *луакини* на о. Молокаи – *Илиили онаэ* – составляет 15750 м³ [29, р. 216]. По подсчётам М. Колба, для создания самого большого *хеиау луакини* на о. Мауи – *Пиу-ланихале* (с объёмом каменной насыпи около 18000 м³) – потребовалось около 130 тысяч человекодней (при расчётной продолжительности рабочего дня в 10 часов) [30]. Гавайские храмы сильно варьировались по форме, размеру и другим характеристикам [2, с. 391].

Пространственное распределение и типология храмов отражают территориальную и общественную иерархию Гавайев. Самые крупные храмы, посвящённые богу войны Ку, указывают на административные центры, в которых проживали верховные вожди. Хале-о-Лоно часто были связаны с вождями низших уровней – алии-аи-ахупуа. Меньшие по размеру сельскохозяйственные храмы могут служить индикаторами пространственного распределения домохозяйств общинников и указывают на самый низший территориальный уровень.

Максимальной численности населения Гавайи достигли примерно к концу XV в. (по разным оценкам от 160 до 800 тысяч человек) [13]. Наиболее приемлема цифра в 250–300 тысяч человек. Если учесть, что площадь пригодных для ведения сельского хозяйства районов, в которых сосредотачивалась основная масса населения, составляла лишь 10–20% от общей площади архипелага, то мы получим впечатляющую цифру плотности населения (порядка 90–180 человек на км²) [8, p. 267].

Следующим этапом в развитии гавайских вожеств было их оформление в масштабах островов («период унификации» XVI – сер. XVII вв.). В это время начинается широкомасштабное строительство ирригационной сети, тогда как темпы строительства крупных храмов *луакини* замедляются. К концу периода унификации образовались четыре враждующие между собой политии островов Мауи, Оаху, Гавайи и Кауаи. Власть верховных правителей Мауи, Оаху и Кауаи распространялась на ряд соседних островов. В таком виде гавайское общество подошло к контакту с Западом.

Заключение

Вожди играли особую роль в жизни гавайского общества как организаторы хозяйственной и ритуальной жизни. В ходе конкуренции за статус и контроль над ресурсами возник механизм аккумуляции прибавочного продукта с последующей его инвестицией в развитие традиционной политэкономии. К контакту с европейцами на Гавайях существовало четыре сложных вожества, каждое из которых насчитывало от 10 до 100 тысяч человек. Эти вожества включали в себя, как минимум, три иерархических уровня. Гавайская элита подразделялась на два основных статусных уровня – высших и низших вождей (с соответствующими брачными, ритуальными и экономическими паттернами). Браки высших вождей (верховного правителя и его ближайших родственников) были по большей части эндогамными, что обуславливалось стремлением обладать как можно более высоким рангом, легитимирующим правление, однако политическая реальность часто требовала заключения браков с вождями низших рангов (из необходимости создания и поддержания тех или иных альянсов). Общинники стояли вне политической иерархии. В раннеконтактный период, в ходе восстаний или военных действий, границы вожеств постоянно менялись. Подобные вожества могли занимать территорию от одного округа *моку* (Кау и западная часть Пуны на о. Гавайи при *Кеоуа Куахуула* в 1782–1790 гг.) до пяти островов *нуи* (вожество Мауи при *Кахекили*, включавшее о-ва Молокаи, Ланаи, Кахулаве, Оаху и большую часть о. Мауи в 1783–1794 гг.). Хрупкий внутренний баланс сил был нарушен с появлением критических военных технологий европейцев в руках Камеамеа. С этого момента началась другая страница истории гавайского общества.

Литература

1. Бак, П. (Те Ранги Хироа) Мореплаватели солнечного восхода / П. Бак. М.: Издательство географической литературы, 1959. 268 с.
2. Беллвуд, П. Покорение человеком Тихого океана. М.: Наука, 1986. 552 с.
3. Бутинов, Н.А. Социальная организация полинезийцев / Н.А. Бутинов. М.: Наука, 1985. 224 с.
4. Кук, Дж. Третье плавание капитана Джемса Кука. Плавание в Тихом океане в 1776-1780 гг. / Дж Кук. М.: Наука, 1971. 480 с.
5. Мифы народов мира / Отв. ред. С.А. Токарев. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1988. С. 132-134, 318-322.
6. Рэдклифф-Браун, А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции / А.Р. Рэдклифф-Браун. М.: Восточная литература, 2001. 304 с.
7. Тумаркин, Д.Д. К вопросу о формах семьи у гавайцев в к. XVIII н. XIX века / Д.Д. Тумаркин // Советская этнография. 1954. № 4. С. 106-116.
8. Bakel, M.A. van The Political Economy of an Early State: Hawaii and Samoa Compared / M.A. van Bakel // Claessen H.J.M., Van de Velde P. (Eds.) Early State Economics. New Brunswick and London: Transaction Publishers, 1991. 265-290 p.
9. Barrere, D.B. Cosmogonic Genealogies of Hawaii / D.B. Barrere // Journal of the Polynesian Society. 1961. Vol. 70. № 4. P. 419-428.
10. Burrows, E.G. Breed and Border in Polynesia / E.G. Burrows // American Anthropologist. 1939. Vol. 41. № 1. P. 1-21.
11. Cordy, R.H. Complex rank cultural systems in Hawaiian Islands: suggested explanations for their origin / R.H. Cordy // Archeology and Physical Anthropology in Oceania. 1974. Vol. IX. № 2. P. 89-107.
12. Cordy, R.H. A Study Prehistoric Social Change: the Development of Complex Societies in the Hawaiian Islands / R.H. Cordy. New York: Academic Press, 1981. 360 p.
13. Dye, T., Komori E. A Pre-censal Population History of Hawaii / T. Dye, E. Komori // New Zealand Journal of Archaeology. 1992. Vol. 14. P. 113-128.
14. Earle, T.K. How chiefs come to power: The Political Economy in Prehistory / T.K. Earle. Stanford (Cal.): Stanford University Press, 1997. 220 p.
15. Earle, T.K. Hawaiian Islands (AD 800-1824) / T.K. Earle // D.M. Bondarenko, A.V. Korotaev (eds.) Civilizational Models of Politogenesis. Moscow: Center for Civilizational and Regional Studies of the Russian Academy of Sciences, 2000. P. 73-86.
16. Elbert, S.H. Internal Relationships of Polynesian Languages and Dialects / S.H. Elbert // Southwestern Journal of Anthropology. 1953. Vol. 9. P. 147-173.
17. Ellis, W. A Narrative of a Tour Through Hawaii or Owhyhee / W. Ellis. Honolulu: Advertiser Publishing Co., 1963. 490 p.
18. Emory, K.P. Origin of the Hawaiians / K.P. Emory // Journal of the Polynesian Society. 1959. Vol. 68. № 1. P. 29-35.
19. Emory K.P. and Sinoto Y.H. Age of sites in the South Point Area, Ka'u, Hawaii // Pacific Anthropological Records 8. Honolulu, 1969.
20. Goldman, I. Cultural evolution in Polynesia: a reply to criticism / I. Goldman // Journal of the Polynesian Society. 1957. Vol. 66. № 2. P. 156-165.
21. Goldman, I. Ancient Polynesian Society / I. Goldman. Chicago: University of Chicago Press, 1970. 612 p.
22. Green, R. Linguistic Subgrouping within Polynesia: the Implication for Prehistoric Settlement / R. Green // Journal of the Polynesian Society. 1966. -Vol. 75. № 1. P. 6-38.
23. Handy, E.S.C. The Hawaiian Family System in Ka-u, Hawaii / E.S.C. Handy, M.K. Pukui. Wellington, N.Z.: The Polynesian Society, 1958. 206 p.
24. Ii, J.P. Fragments of Hawaiian history. As recorded by John Papa Ii / J.P. Ii. Honolulu: Bishop Museum Press, 1959. 200 p.

25. Johnson, A.W. The evolution of Human Society: from Foraging Group to Agrarian State / A.W. Johnson, T.K. Earle. Stanford (Cal.): Stanford University Press, 1987. 387 p.
26. Kamakau, S.M. Ruling chiefs of Hawaii / S.M. Kamakau. Honolulu: Kamehameha School Press, 1961. 440 P.
27. Kirch, P.V. The Chronology of early Hawaiian Settlement / P.V. Kirch // Archeology and Physical Anthropology in Oceania. 1974. Vol. IX. № 2. P. 110-119.
28. Kirch, P.V. Rethinking East Polynesian Prehistory / P.V. Kirch // Journal of the Polynesian Society. 1986. Vol. 95. № 1. P. 9-40.
29. Kirch, P.V. Monumental architecture and power in Polynesian chiefdoms: a comparison of Tonga and Hawaii / P.V. Kirch // World Archeology. 1990. Vol. 22. № 2. P. 206-221.
30. Kolb, M.J. Monumentality and the Rise of Religious Authority in Precontact Hawai'i / M.J. Kolb // Current Anthropology. 1994. Vol. 35 P. 521-547.
31. Levin, S.S. The Overthrow of The Kapu System in Hawaii / S.S. Levin // Journal of the Polynesian Society. 1968. Vol.77. № 4. P. 402-430.
32. Malo, D. Hawaiian Antiquities / D. Malo. Bishop Museum Special Publication 2. Honolulu: Bishop Museum Press, 1951. 240 p.
33. Pukui, M.K. and Elbert, S.H. Hawaiian-English Dictionary / M.K. Pukui, S.H. Elbert. Honolulu: University of Hawaii Press, 1961. 361 p.
34. Sahlins, M.D. Differentiation by Adaptation in Polynesian Societies / M.D. Sahlins // Journal of the Polynesian Society. 1957. Vol. 66. № 3. P. 291-301.
35. Sahlins, M.D. Social Stratification in Polynesia / M.D. Sahlins. Seattle: University of Washington Press, 1958. 306 p.
36. Sahlins, M.D. Evolution: Specific and General / M.D. Sahlins // Ed. by M.D. Sahlins, E.R. Service. Evolution and Culture. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1960. P. 12-44.
37. Simmons, R.T. A Blood Group Genetical Survey of Eastern and Central Polynesia / R.T. Simmons, J.J. Graydon // American Journal of Physical Anthropology. 1957. Vol. 15. P. 357-366.
38. Titcomb, M. Native use of fish in Hawaii / M. Titcomb, M.K. Pukui // Journal of the Polynesian Society. 1951. Vol. 60. № 2-3. P. 1-57.
39. The Kumulipo (He Kumulipo no ka I-i-mamao a i Alapai-wahine) / Ed. by Beckwith M.W. Chicago: Chicago University Press, 1951.
40. The Making of America: Hawaii / W.E. Garret (ed.) National Geographic Magazine. Washington: National Geographic Society, 1983.
41. Valeri, V. Kingship and Sacrifice: Ritual and Society in Ancient Hawai'i / V. Valeri. Chicago: University of Chicago Press, 1985. 446 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Bak, P. (Te Rangi KHiroa) Moreplavатели solnechnogo voskhoda / P. Bak. M.: Izdatel'stvo geograficheskoy literatury, 1959. 268 s.
2. Bellvud, P. Pokorenie chelovekom Tikhogo okeana. M.: Nauka, 1986. 552 s.
3. Butinov, N.A. Sotsial'naya organizatsiya polinezijtsev / N.A. Butinov. M.: Nauka, 1985. 224 s.
4. Kuk, Dzh. Tret'e plavanie kapitana Dzhemsa Kuka. Plavanie v Tikhom okeane v 1776-1780 gg. / Dzh Kuk. M.: Nauka, 1971. 480 s.
5. Mify narodov mira / Otv. red. S.A. Tokarev. T. 2. M.: Sovetskaya ehntsiklopediya, 1988. S. 132-134, 318-322.
6. Rehdkliff-Braun, A.R. Struktura i funktsiya v primitivnom obshhestve. Ocherki i lektsii / A.R. Rehdkliff-Braun. M.: Vostochnaya literatura, 2001. 304 s.
7. Tumarkin, D.D. K voprosu o formakh sem'i u gavajtsev v k. XVIII n. XIX veka / D.D. Tumarkin // Sovetskaya ehntografiya. 1954. № 4. S. 106-116.

8. Bakel, M.A. van *The Political Economy of an Early State: Hawaii and Samoa Compared* / M.A. van Bakel // Claessen H.J.M., Van de Velde P. (Eds.) *Early State Economics*. New Brunswick and London: Transaction Publishers, 1991. 265-290 p.
9. Barrere, D.B. *Cosmogonic Genealogies of Hawaii* / D.B. Barrere // *Journal of the Polynesian Society*. 1961. Vol. 70. № 4. P. 419-428.
10. Burrows, E.G. *Breed and Border in Polynesia* / E.G. Burrows // *American Anthropologist*. 1939. Vol. 41. № 1. P. 1-21.
11. Cordy, R.H. *Complex rank cultural systems in Hawaiian Islands: suggested explanations for their origin* / R.H. Cordy // *Archeology and Physical Anthropology in Oceania*. 1974. Vol. IX. № 2. P. 89-107.
12. Cordy, R.H. *A Study Prehistoric Social Change: the Development of Complex Societies in the Hawaiian Islands* / R.H. Cordy. New York: Academic Press, 1981. 360 p.
13. Dye, T., Komori E. *A Pre-censal Population History of Hawaii* / T. Dye, E. Komori // *New Zealand Journal of Archaeology*. 1992. Vol. 14. P. 113-128.
14. Earle, T.K. *How chiefs come to power: The Political Economy in Prehistory* / T.K. Earle. Stanford (Cal.): Stanford University Press, 1997. 220 p.
15. Earle, T.K. *Hawaiian Islands (AD 800-1824)* / T.K. Earle // D.M. Bondarenko, A.V. Korotaev (eds.) *Civilizational Models of Politogenesis*. Moscow: Center for Civilizational and Regional Studies of the Russian Academy of Sciences, 2000. P. 73-86.
16. Elbert, S.H. *Internal Relationships of Polynesian Languages and Dialects* / S.H. Elbert // *Southwestern Journal of Anthropology*. 1953. Vol. 9. P. 147-173.
17. Ellis, W. *A Narrative of a Tour Through Hawaii or Owhyhee* / W. Ellis. Honolulu: Advertiser Publishing Co., 1963. 490 p.
18. Emory, K.P. *Origin of the Hawaiians* / K.P. Emory // *Journal of the Polynesian Society*. 1959. Vol. 68. № 1. P. 29-35.
19. Emory K.P. and Sinoto Y.H. *Age of sites in the South Point Area, Ka'u, Hawaii* // *Pacific Anthropological Records* 8. Honolulu, 1969.
20. Goldman, I. *Cultural evolution in Polynesia: a reply to criticism* / I. Goldman // *Journal of the Polynesian Society*. 1957. Vol. 66. № 2. P. 156-165.
21. Goldman, I. *Ancient Polynesian Society* / I. Goldman. Chicago: University of Chicago Press, 1970. 612 p.
22. Green, R. *Linguistic Subgrouping within Polynesia: the Implication for Prehistoric Settlement* / R. Green // *Journal of the Polynesian Society*. 1966. -Vol. 75. № 1. P. 6-38.
23. Handy, E.S.C. *The Hawaiian Family System in Ka-u, Hawaii* / E.S.C. Handy, M.K. Pukui. Wellington, N.Z.: The Polynesian Society, 1958. 206 p.
24. Ii, J.P. *Fragments of Hawaiian history. As recorded by John Papa Ii* / J.P. Ii. Honolulu: Bishop Museum Press, 1959. 200 p.
25. Johnson, A.W. *The evolution of Human Society: from Foraging Group to Agrarian State* / A.W. Johnson, T.K. Earle. Stanford (Cal.): Stanford University Press, 1987. 387 p.
26. Kamakau, S.M. *Ruling chiefs of Hawaii* / S.M. Kamakau. Honolulu: Kamehameha School Press, 1961. 440 P.
27. Kirch, P.V. *The Chronology of early Hawaiian Settlement* / P.V. Kirch // *Archeology and Physical Anthropology in Oceania*. 1974. Vol. IX. № 2. P. 110-119.
28. Kirch, P.V. *Rethinking East Polynesian Prehistory* / P.V. Kirch // *Journal of the Polynesian Society*. 1986. Vol. 95. № 1. P. 9-40.
29. Kirch, P.V. *Monumental architecture and power in Polynesian chiefdoms: a comparison of Tonga and Hawaii* / P.V. Kirch // *World Archeology*. 1990. Vol. 22. № 2. P. 206-221.
30. Kolb, M.J. *Monumentality and the Rise of Religious Authority in Precontact Hawai'i* / M.J. Kolb // *Current Anthropology*. 1994. Vol. 35 P. 521-547.
31. Levin, S.S. *The Overthrow of The Kapu System in Hawaii* / S.S. Levin // *Journal of the Polynesian Society*. 1968. Vol.77. № 4. P. 402-430.

32. Malo, D. *Hawaiian Antiquities* / D. Malo. Bishop Museum Special Publication 2. Honolulu: Bishop Museum Press, 1951. 240 p.
33. Pukui, M.K. and Elbert, S.H. *Hawaiian-English Dictionary* / M.K. Pukui, S.H. Elbert. Honolulu: University of Hawaii Press, 1961. 361 p.
34. Sahlins, M.D. Differentiation by Adaptation in Polynesian Societies / M.D. Sahlins // *Journal of the Polynesian Society*. 1957. Vol. 66. № 3. P. 291-301.
35. Sahlins, M.D. *Social Stratification in Polynesia* / M.D. Sahlins. Seattle: University of Washington Press, 1958. 306 p.
36. Sahlins, M.D. *Evolution: Specific and General* / M.D. Sahlins // Ed. by M.D. Sahlins, E.R. Service. *Evolution and Culture*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1960. P. 12-44.
37. Simmons, R.T. A Blood Group Genetical Survey of Eastern and Central Polynesia / R.T. Simmons, J.J. Graydon // *American Journal of Physical Anthropology*. 1957. Vol. 15. P. 357-366.
38. Titcomb, M. Native use of fish in Hawaii / M. Titcomb, M.K. Pukui // *Journal of the Polynesian Society*. 1951. Vol. 60. № 2-3. P. 1-57.
39. *The Kumulipo (He Kumulipo no ka I-i-mamao a i Alapai-wahine)* / Ed. by Beckwith M.W. Chicago: Chicago University Press, 1951.
40. *The Making of America: Hawaii* / W.E. Garret (ed.) *National Geographic Magazine*. Washington: National Geographic Society, 1983.
41. Valeri, V. *Kingship and Sacrifice: Ritual and Society in Ancient Hawai'i* / V. Valeri. Chicago: University of Chicago Press, 1985. 446 p.